

Формальный подход к управлению сферой культуры приводит к тому, что целеполагание, приоритеты, поиск ресурсов и отчётные показатели вытесняют из нашей деятельности ключевые понятия: профессиональной этики, традиции, понимания подлинного предназначения тех или иных институтов в обществе, необходимости видения происходящих процессов и наличия собственной позиции по отношению к ним. Нова ли эта тема?

Интеллект и глубокие знания в профессии не востребованы не первый год. В своём размышлении мы исходили из того, что профессиональное чувство, статус, знание обязано опираться на историческую и культурную традицию, этику отношения к предмету и общественным интересам.

Профессионализм и любительство в сфере культурного наследия

Круглый стол

Участники круглого стола:

Сергей Кропотов,
доктор философских наук,
ректор Екатеринбургской
академии современного
искусства,
Екатеринбург

**Владимир
Дукельский,**
кандидат
исторических наук,
Российский институт
культурологии,
Москва

Татьяна Гафар,
кандидат
искусствоведения,
заместитель
директора по науке
Волгоградского музея
изобразительных
искусств,
Волгоград

Татьяна Калугина,
доктор философских наук,
действительный
член Академии
гуманитарных наук,
зав. отделом
Государственного
Русского музея,
Санкт-Петербург

**Владимир
Гриценко,**
директор
государственного
музея-заповедника
«Куликово Поле»

Вопросы

круглого стола:

1. Насколько актуальна сегодня проблема профессионализма в сфере культуры?
2. Почему институты, занятые охраной, предъявлением и воспроизводством культурного наследия (музей, университет, академия и др.), не являются авторитетами для власти? Для общества?
3. Проектная деятельность в последние 10-15 лет стала самостоятельной сферой современной культуры. Что нужно принимать изначально в своё понимание, чтобы мыслить и практиковать проектирование и традицию как действия в сфере культурного наследия?
4. Всякий инженер, занимающийся техническим или системным проектированием, мыслит в рамках определённой деятельностью конструкции, существует алгоритм и система параметров проектирования. Чем должен оперировать человек, занимающийся, например, музейным проектированием? Художественным проектированием?
5. Какова сфера ответственности человека, принимающего решение в сфере культурного наследия?

Сергей Кротов

Тема, поднимаемая журналом, важна сегодня для профессиональных гуманитарных сообществ. Потому мне хотелось бы начать с постановки диагноза. Сознательно ограничиваю себя вопросами профессионализма образования в сфере культуры и искусства, подхватываю пафос преамбулы и заглавия нашей виртуальной дискуссии.

Уточним формулировку преамбулы: речь идет о «не/востребованности интеллекта и знания» — какого рода? Большинство профессионалов, объединённых в коммуникацию на страницах «60 параллели», как мне представляется, исключительно социально востребованные люди. Но есть примерно 2,5-3 миллиона гуманитариев в стране (согласно исследованиям Фонда «Северо-Запад»¹), испытывающих трудности в соотношении своих профессиональных квалификаций с практическим опытом современной деятельности. Новые реальности и вызовы требуют совсем иных ответов на совершенно ином, незнакомом им языке.

Труд гуманитариев,
занятых механическим
репродуцированием
позавчерашнего знания,
неуклонно
пролетаризируется.

¹ Постиндустриальный переход в высшем образовании России: на примере анализа развития рынка образовательных услуг Северо-Запада Российской Федерации // Фонд «Центр стратегических разработок «Северо-Запад», доклад за 2005 год. [электр. ресурс]. Режим доступа: www.csg-nw.ru

См. примечательную цитату на с. 84-85: Часть экспертов, характеризующая образовательно-технологический уровень российских вузов, даёт организации учебного процесса характеристику «распадающийся университет», в котором остаётся место лишь одному элементу «учебного производства» — учебному плану, составленному в первую очередь под лекции и семинары (в отсутствие проектных, исследовательских и педагогических работ), под так называемую «горловую нагрузку». Стабильную устойчивость процесса «учебный план» и сопротивление практически любым содержательным и организационным изменениям задаёт стремление к самосохранению большого социального слоя (3,5 млн педагогов) на длительное время, т.к. переход к обучению, основанному на опыте современной деятельности, исключает значительное число педагогов из высшего образования, как не имеющих к этой деятельности никакого практического отношения и что-то знающих о ней в силу обладания специализированными сведениями и специализированной библиотекой. (Курсив мой — С.К.)

Давайте признаем, что гуманитарное знание исторично и зависимо не только от сферы обращения символического капитала (а он, как всякий капитал, может девальвироваться, когда появляются более современные и эффективные средства решения актуальных задач). Востребованное или нет, знание постоянно проецируется на профанную, повседневную, очень фрагментированную, но экономически окрашенную реальность. За фасадами различных институций, коммерческих компаний и властных структур существуют несколько технологических укладов, при которых способы обработки информации, манипуляции с образами, правила постановки и решения мыслительных задач, получения и передачи знания различны.

Университет, творческий цех, музейное сообщество как общественные институты и как конкретные институции сегодня в значительной мере расколоты, причём «вменяемая» или компетентная по части современных трендов часть составляет не более пятой части общего гуманитарного поля! Интеллектуально наслаиваемыми «эпистемами», знание отформатировано «парадигмами». Образование же — вообще предмет отдельного разговора. Здесь давно назрел вопрос о смене формата, унаследованного от советской эпохи, нынешний перестал удовлетворять даже государство, не говоря уже о работодателях и самих клиентах. Сошлёмся на весьма симптоматичные выступле-

ния министра образования и науки А.А.Фурсенко, а также его советников, таких как А.Е.Волков, В.Н.Княгинин, Я.И.Кузминов и др.

Мне представляется, что не ценностная «материя исчезает», но устаревшие и исторически ограниченные представления о ней. Значительное в процентном отношении число людей, работающих в сфере образования и культуры, отождествляют себя лишь с функцией ретрансляции ценностей и «навски готового» знания, они материально заинтересованы в сохранении своего социального статуса и получении соответствующей ренты в качестве хранителей ценностей, возводимых ими же в фетиш. Воспользуемся метафорой из предновогоднего интервью профессора Высшей школы экономики Геннадия Константинова журналисту «Эксперт-Урал»: «А мы все ещё живём в иллюзии, что мы самые умные, что у нас лучшая наука, учёные, которым достаточно чего-то дать, и они весь мир перевернут. Мир сейчас по-другому устроен, в нём работают глобальные мозги, и бороться за них нужно другим способом. Мы говорим о задачах, для решения которых ни у кого нет опыта»². «Вишнёвый сад» приватизирован, ценности теперь несколько другие. Сложность же не в смене ценностей как таковых, а в том, что нынешние «помещики» далеки от мировых тенденций в большей степени, нежели их предшествен-

ники. Большинство просто не верит, что придётся жить иначе, что культура не сводится только к традициям и наследию, но может быть ресурсом инновационного развития и новых жизненных перспектив в индустриальных городах.

Пожалуй, время отвечать на вопросы.

1. Более объективными признаками профессионализма (указующими на «опору») служат квалификации и компетенции, смысл (суть) которых можно трактовать как выносливость к переменам, готовность к актуальным ответам на вызовы дня. Безусловно, важна (как и для физиков, химиков, биологов, математиков, информатиков и т.п.) опора на международное сообщество и стандарты, конвертируемость гуманитарного знания, получаемого внутри национальной научной и культурной традиции, в рамках интернационального сообщества учёных — зарубежные публикации, конференции, иностранные партнёры, стажировки, международные проекты — словом, всё, что обеспечивает признание, как П.А.Флоренскому, М.М.Бахтину, Ю.М.Лотману, А.М.Пятницкому, Б.М.Гаспарову и другим уважаемым людям. Признаём, что, к сожалению, отечественные псевдо-профессионалы склонны намеренно не помнить об исторической изменчивости «поля науки». Отсюда необоснованные претензии на «вневременной и общечеловеческий» характер гуманитарного знания и культурных практик, зам-

²Толмачев Д. Война за умы (интервью с Г.Константиновым)// Эксперт-Урал, 2008, № 50

кнутых пределами одной страны, не попадающих в проблемное поле современных наук о культуре — не только по причине незнания большинством гуманитариев каких-либо языков. Мы не совпадаем с мировым научным сообществом в парадигме, отставая на 4-5 десятилетий (!). Мы утратили и прежнего адресата всех культурных практик, и явно-го заказчика на производство специалистов гуманитарной сферы в классических вузах. Государство, прежде вездесущий Бог, вдруг перестало слышать гуманитарное сообщество, а с другими же адресатами оно говорить так и не научилось. Представители искусства, образования, культуры (включая музейщиков) не имеют кредита доверия ни у власти, ни в обществе. «Магическое могущество (политического деятеля или художника — С.К.) над группой зиждется на представлении, которое он сообщает группе и которое является представлением о самой группе и её отношениях с другими группами»³. Механически повторяемые с кафедры слова и музейные нормативы остались, но магия исчезла.

По наблюдению одного из моих коллег в провинциальном классическом вузе, — кадры кафедр культурологии наберены, в основном, из бывших преподавателей таких дисциплин как «История партии» и «Научный атеизм» (выражаем ему свою искреннюю признательность за столь

³ Бурдые П. Социология социальных пространств. М., СПб.: Алетея, 2007. с.201-202

откровенное высказывание, но отметим, что в лидирующих столичных вузах дело может обстоять иначе! — С.К.). Понятна логика дисциплины, отличающейся прежним «эпическим размахом» в повествовании о «титанических вершинах духа», но ей всё же пока не удаётся предъявить ни внятного объяснения российского опыта в XX веке, ни рекомендации власти, ни «инструкции по применению» противоречивой современности в повседневной практике. Может быть, здесь уместно различать любую классическую научную и образовательную «логию»⁴ в смысле М.Фуко и З.Баумана⁵, и исследования культуры. Система традиционных дисциплин выступает как социальная технология, оснащённая инструментами перевода субъекта в объект эффективного бюрократического управления. И, напротив, «культурные исследования» современности и повседневности в общепринятом в мире смысле принадлежат к разветвлённому корпусу междисциплинарных Studies— урбанистических, визуальных, медийных, постколониальных, гендерных и т.п.. Возникнув за последние тридцать лет под давлением постинду-

⁴ См. подробнее рассуждения о трудностях в институционализации российской культурологии и о её отличии от «культурных исследований» в материалах круглого стола: «Знание о культуре: современная ситуация в России» (Москва, ГУ-ВШЭ, 4 марта 2008) // [электр. ресурс]. Режим доступа: <http://www.nlobooks.ru/rus/magazines/nlo/196/1070/1106/>

⁵ Бауман З. Текущая современность. М., СПб., 2008. с.84-87.

стриальной экономики, они до сих пор вызывают недоверие. Именно этим «исследованиям» и предстоит сегодня оснастить своим инструментарием новое поколение аналитического знания, концентрируемого в проектно-исследовательских вузах, таких как ГУ-ВШЭ. Какая социальная сила может стать базой для такого критического анализа, внеаходимого горизонтам индустриальной экономики? Возможно, это тот случай, когда создателям междисциплинарного предмета «культурные (или любые другие) исследования» придётся учиться у молодёжи? Ситуация немислимая в классической контактной педагогике!

2. Отчасти я уже ответил на этот вопрос. Институты культурного наследия характеризуют герметичность, они растеряли свой символический капитал, занятые консервацией фетишизированного наследия.

Тогда понятно, что для них возможна только псевдопроектная деятельность, не ориентированная на производство социально-значимого продукта, не озабоченная адекватностью требованиям времени, сформулированным обществом, властью, бизнесом по давно назревшему изменению качества среды. Наконец, им удаётся находиться вне культурной политики, будь то её позитивная, негативная или инновационная версии.

Истинная же их миссия в расширенном воспроизводстве «идентичностей» и других непрофильных, но

Институции охраны культурного наследия, существующие в режиме самосохранения, никогда не смогут стать факторами инновационного развития.

ключевых в сетевом мире типов активности. Нужны специально-организованные действия для принятия обществом этого видения.

3. Значительная часть экономики сегодняшней сферы культуры и образования до сих пор принадлежит к докапиталистическому укладу, где ресурсы (ценности, знания, памятники наследия) принципиально некапитализируемы во имя изменения жизни; из чего следует дефицит предпринимательского этоса⁶.

Возможности и невозможности строить проекты описаны ещё Жоржем Батаем, они существуют «лишь при условии, <...> если происходит рост деловой активности. <...> Перестав увеличиваться, капитал обрушивается. Вообще, остановка в росте характеризуется некоторыми поразительными чертами. Неудовлетворённой оказывается <...> возмож-

⁶ Под «этосом» часто понимают стиль жизни какой-либо общественной группы, ориентацию её культуры, принятую в ней иерархию ценностей.

ность строить проекты»⁷. Это означает, что проектная деятельность приходит на смену «простодушной привычке жить сегодняшним днём».

Каждому технологическому укладу присуща своя культура и проектная деятельность⁸. Речь идёт о дефиците проектов в сфере культуры, соответствующем 5-6 технологическим укладам, но их не может быть больше, чем доли собственно новых технологий в совокупном продукте, скажем, Свердловской области. Классическое университетское образование со значительной долей гумани-

⁷ Батай Ж. Проклятая часть. М.: Ладомир, 2006. С.262-263.

⁸ Приведём в качестве примера цитату из недавно принятого документа - «Стратегия социально-экономического развития Свердловской области на период до 2020 г.». В нём на странице 14, графа 6, в пунктах 1-2 говорится о том, что «важнейшей структурной проблемой промышленного комплекса Свердловской области является технологическая многоукладность. В промышленной сфере Свердловской области примерно **34 % производств относятся к 3-му технологическому укладу, 60 % - к 4-му, 5 % - к 5-му и около 1 % - к 6-му.** Преобладающими являются производства 3-го (железнодорожный транспорт, чёрная металлургия, деревообрабатывающая, целлюлозно-бумажная промышленность) и **4-го технологических укладов** (органическая химия и полимерные материалы, цветная металлургия, нефтепереработка, приборостроение и точное машиностроение, развитие традиционного ВПК, электронной промышленности)». Добавим, что на той же странице в графе 5, пунктах 1-3 говорится о том, что в монопрофильных населённых пунктах проживает 44 % населения Свердловской области, что из 47 городов - 33 монопрофильные (5 место в России). В этом же документе, на странице 14, в графе 3 речь идёт о «зависимости налоговых поступлений от конъюнктуры мировых рынков металлов» в доходах консолидированного бюджета Свердловской области, которая составила 15, 2 %, в том числе в поступлениях налога на прибыль в консолидированный бюджет - 46,9 %, причём августе, накануне кризиса 2008 года. На это обстоятельство указывается как на один из ограничителей роста.

тарных наук слабо восприимчиво к проектному формату по сравнению с технической профессиональной подготовкой специалистов, поскольку оно ориентировано на «штучный товар»: прежде для государства, а сейчас, «на всякий случай», для вечности. Задачи же, которые нужно решать сейчас, несоразмерны индивидуальным способностям, и требуют проектных команд. Так утверждает ректор Московской школы управления в Сколково А.Е. Волков.

Этот очевидный дефицит и вдохновил нас на создание Екатеринбургской академии современного искусства. Два года назад мы получили лицензию на образовательную программу «Искусство и гуманитарные науки», по которой готовим бакалавров, способных к проектной деятельности и работе в команде. С осени 2009 года в формате этого направления планируем ввести второй профиль — «Маркетинговые технологии в сфере культуры»⁹. Зная о тунике безязыкости большинства провинциальных гуманитариев, мы даём два иностранных языка на протяжении всех 4 лет обучения. Кадровый голод восполним лишь при переходе от квалификаций как формально подтверждённого дипломом набора знаний — к набору компетенций. Это позволяет вести инновационную деятельность, позиционируя город как региональную культурную столицу.

⁹ С более подробной информацией по имеющимся специальностям, а также о миссии и стратегии Академии можно познакомиться на сайте <http://www.eaca.e4u.ru/>.

Это «долгоиграющие» планы по выращиванию нового «креативного класса» в отдельно взятом мегаполисе, консолидации молодых людей, способных выстраивать в культуре «длинные цепочки добавленной стоимости». Администрация Екатеринбурга и его управление культуры склонны в своих стратегических программах опираться на наработанные в области гуманитарной урбанистики знания и видят Академию в качестве своего целевого инфраструктурного проекта.

Помимо этого мы сейчас прорабатываем проектные предложения по созданию единого образовательного комплекса, состоящего из общеобразовательного учреждения Гимназии «Арт-Этиюд» (с углублённым изучением исполнительских искусств) и муниципального образовательного учреждения высшего профессионального образования «Екатеринбургская академия современного искусства» (ЕАСИ). Проблема в том, что только 10 % выпускников детских школ искусств поступают в классические творческие вузы. Мы предлагаем им несколько другой вариант карьеры, помимо единственной до недавнего времени возможности для творческой самореализации в сфере исполнительского искусства. Сохранение в сфере культуры ещё хотя бы 10 % профессионально ориентированных выпускников школ, техникумов и колледжей позволит вырастить новую генерацию профессионалов, способных на основании опыта ранней художественной ориентации

глубоко понимать искусство изнутри, но при этом готовых воспринимать его не как фетиш или ремесло, а как ресурс. Словом, нужна готовность к разгерметизации сферы культуры вовне — в сторону муниципальной политики, инновационного образования и экономики.

Татьяна Калугина

Обсуждать предложенную тему тоскливо и горько. Но хочется и необходимо. Даже если изменить ситуацию невозможно, поскольку она определена общим и неотъемлемым вектором эволюции культуры.

Проблема профессионализма как критерия качества и меры ответственности уже абсолютно неактуальна. Пока мы все соблюдали политкорректность, обсуждали преимущества мультикультурализма, старательно следовали постмодернистскому принципу «anything goes» и, наконец, добивались повышения спроса на свою культурную продукцию, битва оказалась проигранной. В производстве и потреблении культуры утвердились модели, в которых параметр качества принципиально отсутствует. «Принципиально» потому, что он, во-первых, мешает эффективному функционированию таких моделей, а во-вторых, совершенно не востребован культурным потребителем. Собственно, сложиться и утвердиться эти модели и смогли исключительно благодаря тому, что миллионам потребителей культуры в демократическом

(а на самом деле, охлократическом) обществе высокое качество культурного продукта ненужно и, более того, неприятно как последняя отрыжка прошлой «культуры высоколобых»: оно напоминает о необходимости прилагать немалые усилия для приобретения навыка его потребления.

Соответственно, если потребитель (заметим характерное изменение культурологического термина — в прежней культуре на его месте был «носитель» культуры, раньше культуру не «потребляли», в ней и ею просто жили) не востребует качества, производитель на него и не тратится. Миллионными тиражами издаются книги, которых не коснулась рука ни редактора, ни корректора, — а зачем? Кого эта ваша грамматика с пунктуацией волнует?

Волнует «раскрученность». И средства, на порядок большие, чем затраты на редактора, идут на рекламу, пиар и косметический менеджмент проекта.

Девальвация профессионализма в сфере культуры — уже давно не просто ощущение отдельных «отсталых элементов», а, к сожалению, абсолютно очевидный факт.

О проектах и проектировании: трагическая (в контексте нашей темы) подмена произошла в понимании сути этой деятельности в сфере культуры. Проектированием считается «называние», придумывание эффектного слогана и звучного текстового сопровождения, создание упаковки, правильная подача материалов для прессы, спонсоров и конкурсов. А «начинка» как-то отходит на второй план, то есть, она, конечно, тоже вроде бы важна, но только как отправная точка для демонстрации проектной маэстрии.

Личная ответственность — единственное, что остаётся в наше время профессионалу. Ей дела нет ни до социального заказа, ни до общественного признания.

Реплика на мнение уже высказавшегося коллеги по поводу устаревших понятий профессиональной этики и традиции: их предлагается заменить гибкостью реагирования и компетенциями. Что касается гибкости реагирования, она в этом ключе синонимична «Чего изволите?», а по поводу компетенций... Странно, что использовано множественное число, ведь «компетенЦИЯ» — это сфера, в которой профессионал компетентен (т.е. сведущ и ответствен!), а «компетенЦИИ» воспринимаются,

скорее, во втором значении этого слова, как «полномочия какого-либо органа или должностного лица». Получается, что сегодня значение имеет то, какого размера и сколько «деленок» имеет деятель в сфере культуры.

А традиции как таковые устареть не могут по определению, ибо культура сама по себе и есть традирование, даже самая новаторская и революционная, ведь в своем пафосе отрицания она всё равно сохраняет и развивает отрицаемое. От чего же ещё отталкиваться реформаторам, как не от отправляемых на слом традиций, что же ещё утверждать, как не новые традиции?

С профессиональной этикой ситуация менее очевидна. Никто не знает, что это такое, поэтому и утверждать, что она устарела, на мой взгляд, преждевременно. Как «система норм нравственного поведения профессиональной группы» она, конечно, неактуальна, поскольку «нравственное поведение» перестало быть общественно значимой ценностью в той же мере, что и «качество». А вот как непреложный «внутренний императив» отдельно взятого профессионала она ещё имеет небольшой шанс на существование.

Этот внутренний императив, во-первых, не позволит чересчур «гибко» реагировать на требования потребителя, а во-вторых, не даст разувериться в возможностях собственного профессионального языка. Так, у музея, например, есть свой музейный язык, на котором он может и должен доносить до человека свою «весть», и непонятно,

зачем ему обязательно надо становиться форумом, театром, площадкой для фэшн- и арт-бизнеса, видеотекой и т.д. Да, «размывание границ», да, «расширение территории», да, интеграция сфер культуры, но есть же край! Он там, где в поэзии начинается «поэзия чистого листа», в театре на протяжении двух действий актеры на сцене прыгают в бассейн с водой и вылезают голые, а в живописи зритель столбенеет перед трёхметровым изображением детского лица, раздираемого хирургическими инструментами. Нет, дело совсем не том, что допустимо, а что недопустимо, не в культуре таких категорий. Дело в том, что тогда неясно, где поэзия, что такое театр, причём тут живописные качества. Сегодня самое главное — «достать» зрителя, читателя, посетителя, а для этого годятся любые силоводящие сюжеты и средства, независимо от их видовой приписки. Да и это бы ещё ничего, но практически в 99 процентах случаев, к таким средствам «достачи» прибегают тогда, когда не верят в свои собственные, приходящие средства. Не верят или не умеют ими пользоваться на профессиональном уровне, чтобы «достать» аудиторию именно с их помощью!

Что касается личной ответственности, то она — вообще единственное, что остаётся в наше время. Поскольку существует сама по себе, не подкреплённая ни социальным заказом, ни профессиональным канонам, ни общественным признанием.

Владимир Дукельский

1. Слово «профессионал» практически вышло из употребления, а сам он воспринимается как фигура малопочтенная. Сегодня профессионалом называют человека, который делает за деньги то, что другие делают из чувства долга или ради удовольствия: спортсмен, проститутка, врач. Поэтому нынешний профессионализм — это нечто, имеющее твёрдую цену, которую снижать нельзя, иначе перестанешь быть профессионалом и превратишься в любителя. «Товарность» профессионализма вызывает к нему соответствующее отношение: «Ты не дури, скажи сколько...»

Бывает, что на самом деле знания и услуги профессионала и не нужны, разве что для солидности, имиджа. Тогда профессионал, он же в современном англоязычном мире эксперт, становится декоративно-ритуальной принадлежностью, «свадебным генералом». При этом слушать приглашённого эксперта, разумеется, необязательно. Он невозможный зануда, постоянно твердит про какие-то нормы, стандарты, традиции и правила. Это вещи неоперациональные. Нет для профессионала ни сроков, ни планов, ни смет, ни откатов, ему даже невдомёк, что бюджетные средства надо осваивать быстро. Так о чём же с ним разговаривать, особенно сейчас, когда востребованы совсем другие умения?

Всем своим безобразным видом и поведением он слу-

Мы живём в эпоху воинствующего дилетантизма — дилетантизма, отстаивающего своё право ничего не знать и ни с чем не считаться.

жит живым укором, невольно показывает собеседнику, кто тот есть на самом деле. Он культурен, а потому правильно ставит в словах ударения и не нуждается в букве «ё» при чтении чужого текста по бумажке. «Торжествующему хаму» это неприятно.

Есть, правда, одно «но»: всё сказанное относится к профессионалам старой формации, носителям неприкладного знания. Напротив, любому современному менеджеру — безразлично, «топ» он или «топлес» — готовы простить любые ошибки и очевидные глупости. Для начальников с психологией «красных директоров» менеджер — свой парень, мыслящий в их категориях, вроде «наварить бабки» и «дело прежде всего».

Появление в нашем обществе присловий, поговорок о профессионалах симптоматично: «Профессионал подобен флосу», «законченный профессионал — человек, знающий всё ни о чём», «два врача идут ставить клизму, один знает как, другой — куда» и т.д.

Кто виноват в сложившемся положении, сразу и не скажешь. Безусловно, виновата бесчисленная армия экспертов-самозванцев, прикормленных СМИ опять же для придания веса банальным суждениям. Эти, что не скажут, что не спро-

позируют — всё пальцем в небо. Хуже их только борцы за сохранение памятников, на любой вопрос о том, что и как можно сделать, отвечают: ничего нельзя. В конечном счёте, равно виноваты эксперты, власти, принимающие решения, и «пипл», который всё «хавает». Одни непреклонны, другие — невежественны, право, уж не знаю, что хуже.

2. Профессионализм «сейчас не носят», он не в моде и не ко времени. Вот сделали ансамбль в Царицыно, и всем хорошо: мэр доволен и народу нравится. А в голове сам собой складывается то ли лозунг, то ли мольба: «Прослойка, милая моя прослойка, бога ради, не дай власти слиться с масою». Может, в этом как раз и состоит назначение профессионалов?

Мы живём в эпоху воинствующего дилетантизма — дилетантизма, отстаивающего своё право ничего не знать и ни с чем не считаться. Такова особенность информационного общества: информации так много, что её ценность стремится к нулю. Дилетантизм напорист и многолик, он выступает под знаком креативности, творческих индустрий, новых течений в искусстве и много ещё как. Куда профессионалу соревноваться с дилетантом. Тот и делает

Именно отсутствие традиций мешает внедрению инноваций в России.

всё быстрее, и нос держит по ветру, и, главное, начисто лишён сомнений, рефлексии по поводу собственной деятельности. Вывод один: обществом, современной культурой, заточенной под инновации любой ценой, востребована быстрая смена повестки дня, которую профессионал в гуманитарной сфере обеспечить не может. Ему остаётся стать маргиналом и следовать высокой миссии, за которую обычно побивают камнями: называть вещи своими именами.

3. Хуже всего обстоит дело с наследием. В этой сфере нет профессионалов, потому как нет самой профессии, а есть конгломерат специалистов из разных областей знаний. Они старательно держат свою узкодисциплинарную позицию хранителя и исследователя, тогда как при решении любой практической задачи нужна позиция управленческая, технологическая. То есть сегодня востребованы не хранители, реставраторы, учёные, а специалисты, владеющие технологиями работы с наследием. Они должны стать посредниками, сформировать проводящую среду между носителями фундаментального знания, погружёнными в объект, и управленцами, нацеленными на результат. Может, это как раз проектировщики?

Проектная деятельность стремительно развивалась на протяжении всего двадцатого века, меняясь, переставляя акценты, захватывая одну область за другой. Последние два десятилетия

она профессионализируется и осознаёт свою особость. Проектирование имеет собственный язык, но предполагает и владение другими профессиональными языками.

Нельзя сказать, что в проектной деятельности чужие профессионализмы преодолеваются абсолютно безболезненно, но пострадавшим, по крайней мере, понятно, во имя чего это делается. Да, проектировщик может быть беспощаден по отношению к идеалам старых профессий, и его позиция может показаться принципиально безнравственной. Для него всё — сырьё, всё — материал для строительства, и проблема состоит единственно в культурной и социальной значимости производимого продукта.

4. Вопрос о том, на чём должен основываться проектный подход в культуре — это вопрос о средствах проектирования. На него давно ответил великий мастер Е.А. Розенблом, соединивший в самом себе профессионализм конструктора, архитектора и художника. Он сформировал практику и понятие «художественного проектирования» в противовес технизированному «художественному конструированию», описал его основные черты. Главная особенность состоит в том, что художественные средства формируются в процессе создания проекта, затем осмыслиются как средства (мы бы сказали «технологии») и возвращаются в деятельность уже как средства проектирования. Если триада налицо, если

развитие проекта идёт по этой спирали, значит, мы действуем как профессионалы.

5. Ответственность — тяжёлая ноша для проектировщика, поскольку это ответственность перед самим собой, перед своей профессиональной совестью, и разделить её не с кем. Легко исследователю-фундаменталисту хранить свою непорочность, сидя в башне позитивистской науки позапрошлого века. Сохраняемая такой ценой невинность, конечно, трогательна, но абсолютно бесплодна. Вся деятельность в сфере наследия, основанная на старом профессионализме, давно обветшала, как само наследие, стала темой для дешёвых спекуляций или выродилась в чистую коммерцию. Поэтому ответственность проектировщика не в том, чтобы сохранить старушку в том виде, в каком он её застал, а в том, чтобы позаботиться о её внуках. В них будущая жизнь наследия, а не в реставрационных подтяжках, липосакции позднейших наслоений и прочих формах искусственного омолаживания.

Проектировщик ответственен за инновации, восходящие к культурной традиции. Инновации и традиции — не бинарная оппозиция, а диалектическое единство. Именно отсутствие традиций мешает внедрению инноваций в России. Инновации ни на что не годны, если в детстве не слушали бабушкиных сказок. Но и традиция мертва, если у неё так и не родились внуки-инновации.

Владимир Гриценко

1. Вопрос профессионализма актуален не только для сферы культуры. Но, по моим ощущениям, это понятие не столько девальвируется, сколько расширяется. Видимо, профессионализм тоже должен изменяться, как и музей в меняющемся мире.

2. Эффект влияния культуры отложенный, не наглядный. Эта его особенность позволяет кому-то и вовсе не принимать его во внимание.

В управленческом сознании за многие годы укрепился имидж «неполноценности» культурных институтов, который никак не добавляет им уважения и авторитета. Сформирован же он не без участия и самих культурных институтов, и власти, и общества.

3. Возможно, традицию как действие в сфере культурного наследия можно было бы отнести к функционированию. Проект же — скорее инновация, нечто открывающее другие горизонты и возможности. Может быть, проект в сфере культуры — это новый вид искусства или модная технология, что во многом зависит от проектировщика.

Татьяна Гафар

1. Процесс девальвации профессионализма в сфере культуры, и не только в ней, очевиден. Профессионализм, по моему, должен опираться ещё и на глубокие знания в той или иной области науки. Если человеку неизвестны механизмы и язык сферы, в которой он осуществляет свою деятельность, никакие технологии не смогут помочь ему инициировать новые идеи и направления.

Я считаю, что увлечение «менеджированием» в сфере культуры, о котором мы говорим, приводит к конфликту между профессионалом (знатоком, экспертом) и управленцем. Как знание иностранного языка в современном мире — это уже практически не профессия, а средство коммуникации (если только ты не профессиональный переводчик или преподаватель), так и менеджерские технологии в

культуре без знания предмета становятся неэффективными. Таковы технологии коммуникации с обществом, властью. Но предмет коммуникации — культура, предмет, история. Незнание предмета оставляет только схему, которую нечем будет наполнять. Мне думается, что управленческие технологии должны стать (и уже становятся) специализацией при подготовке профессионалов.

2. Долгое время ресурс культуры использовался только для презентации чего-либо или кого-либо (страна, общественный строй и т.д.). Деятельность институтов, связанных с культурным наследием, была закрыта для общества и превратилась в нечто вроде элитарного клуба для «своих». Остальные или не поймут, или надо долго объяснять, чтобы поняли, а значит — ис-

кать язык. Поэтому они и не рассматриваются как партнёры, которым доверяют и которые имеют авторитет.

3. В процессе проектирования важно принимать во внимание механизмы развития самого культурного наследия, то есть предмет проектирования.

4. Всё просто: человек, занимающийся, музейным проектированием, оперирует историей, укладом и миссией конкретного музея, для которого он работает. Художественным проектированием — историей, выразительным языком и способом высказывания искусства.

5. Ответственность эта аналогична ответственности врача: во втором случае безопасность тела, в первом случае — души. Поэтому уровень ответственности может быть и выше, чем у врача.